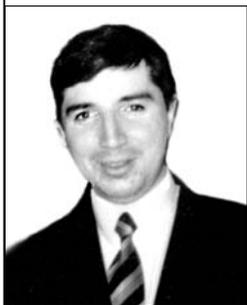

ВОКРУГ ДИСКУССИИ об учебнике истории XX века

Арсений Замостьянов

В последние годы мы то и дело получаем информацию от украинских и прибалтийских коллег о тамошних уроках истории, на которых с гордостью говорится, как выступали украинцы и эстонцы против русских, и с негодованием — о любой инициативе Руси, Российской империи, Советского Союза... От этого задиристого, несправедливого, оскорбительного тона нам больно, и мы начинаем оправдываться, браниться, отвечать. Куда более важно не горячиться, а выстраивать свою школьную программу по истории на основе созидательного патриотизма.

«Народное образование» не раз писало о проблеме преподавания истории в школе. О методической литературе, программе и учебниках, которые эволюционируют сообразно переменам в политической конъюнктуре.

Но дискуссия, которая началась в середине 2007 года и которой не видно конца и края, обязывает нас снова обратиться к этой теме.

Не чураться сантиментов...

Особенно эмоционально воспринимаются попытки трактовать историю XX века — там ведь каждый факт до сих пор как горячая картошка, лакомый да в руки нейдёт, обожжётся... В советских учебниках истории изъянов хватало. Да, были блестящие наработки по истории древнего мира, до сих пор переиздаются и пользуются спросом учебники, продолжающие довоенную историографическую традицию. Но чем ближе к современности, тем скучнее становились учебники. И лучшие учителя старались обходиться без них, превращая школьный курс истории в цикл лекций, когда конспекты в тетрадках куда важнее, интереснее учебника. В учебной литературе тотально царил марксизм — и эта принуждённость вредила восприятию учения К.Маркса и Ф.Энгельса, из которого внимательный ученик мог бы вынести немало полезных уроков, особенно актуальных в наше «рыночно-капиталистическое» время. Но были у советских учебников и сильные стороны. Прежде всего — патриотический мотив, если угодно, любовное отношение к народу и государству. Представьте себе, и в работе над учебником автору не следует чураться сантиментов!

Мы уже привыкли к исследователям, которые свысока смотрят на своих героев. Авторы чувствуют себя опытными инопланетянами, представителями высшей расы по сравнению с царями, героями, мыслителями прошлого, которые сплошь «недопонимали», «не осознавали», испытывали иллюзии и попусту горячились. Смотрят на прошлое с ядовитой иронией, как маркиз де Кюстин на Россию, и любви своей стесняются. А разве можно без любви, без страстного увлечения годами заниматься фельдмаршалом Кутузовым или Алексеем Толстым? Сарказм не делает биографов объективнее, это просто очередная мода, штамп. Неизвестно, кто объективнее рассказал о Николаевской России — тот же де Кюстин или Михаил Николаевич Загоскин в «Москве и москвичах». Обе правды имеют право на существование — и пасквили,

и дифирамбы. Но когда перевелись восторженные Загоскины, климат культуры изменился, а флора стала беднее.

Когда-то мой учитель, молодой талантливый словесник Игорь Олегович Родин вдалбливал в нас правила русского языка посредством творческих заданий. Изучали по программе причастный оборот — будьте любезны написать дома сочинение на тему «Мои приключения в стране, где нет причастий». А через неделю новое сочинение — «В стране, где нет фразеологизмов». Получалось ловко, комично, учитель сам хохотал, вслух зачитывая наши фантастические рассказы. Тяжеленько приходилось героям наших сочинений без фразеологизмов, без причастных оборотов. Не раз я вспоминал эти весёлые задания в девятые годы, когда властителями дум стали наши постмодернисты — вечно усталые, язвительные агностики, которые без устали доказывали нам, что конвейерные пластмассовые тарелки ничем не хуже лучшего фарфора. Они распространяли это правило на всё: появились блеклые пластмассовые идеалы, пластмассовые книги, пластмассовые кинофильмы. Тотальная ирония, подмигивание, игра цитатами, использование интеллектуального «вторичного продукта». Главный закон, который они внедряли, гласил: никакого воспитания, никаких авторитетов, никаких святых. И главное — никакой патетики! Слово «пафос» превратили в ругательное. А теперь представьте себя героем школьного сочинения «В стране, где нет патетики». Неуютно жить в такой стране, грустно, тускло. Нельзя не почувствовать себя обделённым. Одни от такого депрессивного климата становятся агрессивными, непримиримыми, другие — равнодушными циниками. Между прочим, оба перекоса хорошо известны тем, кто занимается детской преступностью.

Песок истории

История состоит не из огромных монолитов, чья динамика медлительна и необратима, а из песка, когда мельчайшее движение

меняет картину. Авторы учебников не учитывают атомарной сложности исторического процесса, они выпячивают определённую модель (в последние годы — либерально-западническую) и объявляют фатальными ошибками любое отклонение от собственного стереотипа. Такое вот вульгарное упрощение на фоне имитации высоколобого научного подхода. Песок истории — мелкий, материя состоит из мельчайших частиц. Как важно не впасть в примитивный категоризм, когда мы готовы легко определять причинно-следственную связь в истории, как будто всё в ней раз и навсегда предопределено, и каждый миг нашей жизни не является распутием, не содержит бесконечного множества альтернатив. Каждая горсть земли — это бесконечное переплетение корней, переплетение судеб в истории, а мы впадаем в архаическое линейное восприятие галактик и Вселенной. Да, в истории действуют социальные и экономические закономерности; да, системы сдержек и противовесов, инстинкты самосохранения народов работают исправно, но сценарии не предопределены! Не будем упрощать диалектику. Каждый шаг — это ответственный выбор, а вовсе не движение по заранее уготовленной ниточке. И каждый деятель истории отвечает за свою вахту — от старта до финиша, но не может отвечать за премников и последователей, каждый из которых шагает самостоятельно. Шагает, участь у великих предков, а иной раз и бунтуя против них, отрицая наследие. Больше фактов в учебнике, больше статистики! Шире фактологический контекст! — такие лозунги, в стиле памятного «Даёшь!» мы готовы включить в повестку дня. Чем писать, скажем, о пражских событиях 1968 года, оценивая ошибки и перегибы брежневского Политбюро, не лучше ли полнее показать ретроспективу того года — и французскую студенческую революцию, которая эхом прокатилась по странам Европы и Америки; и войну во Вьетнаме, сожжённую в том же 1968-м деревню Сонгми. А уж на фоне фактов ученики сами решат, насколько чудовищной и бесчеловечной была силовая политика Кремля в контексте того политического года.

В истории России рубеж 2008–2009 годов не будет проходным эпизодом. После идейного и экономического кризиса, который разъедал общество с конца 80-х годов прошлого столетия, а в 1992–1998 гг. дал возможность А.И. Солженицыну окрестить этот период оп-

ределением «Россия в обвале», страна возвращается к эволюционному пути развития, к консервативному политическому стилю. Особенно удручало состояние школ, всей системы просвещения, которая ржавела и распадалась. «Народное образование» с 2000 года приветствовало эту перемену — поворот от разрушительной политики к здравому смыслу.

Трудно преодолевается интеллигентская инерция оппозиционности. Критический взгляд на мир так же прочно укоренился в умах интеллектуально активного меньшинства, как остальным 75 процентам людей свойственна зависимость от рекламы, от официоза, от моды и генеральной линии. Зависимость от шаблона.

За восемь лет правления Президента В.В. Путина климат в стране изменился, и дело отнюдь не в глобальном потеплении. На съезде правящей партии «Единая Россия» мы увидели неплохой спектакль: представители разных социальных групп просили президента, чей срок полномочий истекает в наступающем 2008 году, не бросать на произвол судьбы народ и государство. Телевидение транслировало выступления ткачихи, профессора, спортсмена-инвалида. В лучших (а для кого-то — отвратительных!) традициях монархического и советского прошлого, когда отдавали «жизнь за царя» и страстно благодарили с трибун родную партию «и лично Леонида Ильича». Об этой склонности нашего народа к гармоническому преклонению перед властью писал Гоголь, о ней рассуждал с Лионом Фейхтвангером И.В. Сталин. Мы могли бы продолжать ретроспективу цитатами из Державина, Хомякова, Маяковского, Чаковского... Разные бывали времена, но только в трагические годы бунтов и смут наше общество отказывалось от «сервильной» преданности государству. И вот учебная книга по новейшей истории уважительно оценивает путинскую «суверенную демократию». И тут же зазвучали обвинения в чуть ли не геббельсовской пропаганде.

Их произносили эксперты, которые в самые кровопролитные и обвальные годы называли смуту девяностых «победой демократических сил» и призывали к расправе над «неправильно» голосовавшим парламентом, бестактно повторяя вольтеровское «Раздавите гадину».

В прошедшем году политики не жалели громких слов и привлекательных обещаний, говоря о системе образования. Мы давно привыкли к предвыборным авансам и не склонны к доверию. На идеологическом фронте просвещения взрывом стал выход новой книги для учителя истории. За книгой последует учебник, который в новом учебном году поступит в школы. Книгу для учителя не раз обсуждали педагоги, журналисты, политики, учёные. И не раз путали её с учебником, который был написан позже и войдёт в школьный обиход уже в новом учебном году... Руководитель проекта, историк Александр Филиппов пишет: «Книга для учителя и школьный учебник — разные жанры. Для учителей мы излагаем свою точку зрения, упоминая, что есть и другие. Но при этом имеем в виду, что «эти другие» учителям известны. Обращаясь к детям, мы не имеем права так поступать. Для детей изложение будет иным, наши субъективные видения и политические пристрастия отходят на второй план. Мы должны привести разные точки зрения, не навязывая свою. И главное — качественно подобрать и структурировать учебный материал, используя лучшие традиции отечественной исторической науки. Это довольно сложная и кропотливая работа».

Попытка историка А. Филиппова вызвала гнев таких властителей дум недавнего прошлого, как профессор Юрий Афанасьев, который в очередной раз посвятил год борьбе с исторической мифологией, а по существу — с национальными святынями России. Для Афанасьева и Александр Невский, и Дмитрий Донской — фигуры, раздутые пропагандой. С очень странным злорадным торжеством в голосе с экранов Афанасьев ежедневно обращается к пастве исторического телеканала: «Никакого Чудского озера не

было...». И откуда у седовласого мужа столько задорного желания «в детской резвости колебать треножник»?

Во времена наибольшей влиятельности Афанасьева доходило до разговоров о люстрации всей дореформенной элиты: политической, военной, промышленной — в даже более жёстком варианте, чем в странах Восточной Европы. Другое дело, что, судя по социологическим опросам, общество скорее решилось бы на люстрацию элиты девяностых, которая заслужила репутацию *криминальной*.

Один социолог, отнюдь не склонный к идеализации СССР, недавно заметил: мы утратили идиосинкразию к насилию, которая, вопреки страшилкам о «советской угрозе», была присуща позднесоветским поколениям. Криминалисты говорят уже даже не о подростковой преступности: всерьёз рассматривается актуальный для нас феномен восьми-десятилетних убийц... Жестокость воспитывается постоянными картинами радикальных перемен. Хлопотно каждые десять лет перебегать с платформы на платформу. Особенно это не любят люди основательные, у кого багаж тяжелее. Зачем таким начинать с нуля, в припадке презрения к собственному многолетнему труду? «Подсечно-огневое земледелие» в идеологии — революционная болезнь, когда обжитые пространства брошены и зияет выжженная земля использованных идеологических полей. Злость и отчаяние на пепелище. Стратегия преподавания истории — это всегда политический вопрос. И нам предстоит пройти между двумя искушениями: между Сциллой шовинистического самолюбования и Харибдой расчётливого самобичевания. Расчётливого, потому что на таком уровне за самобичеванием всегда прочитывается хорошо оплачиваемое амплуа, суть которого В.В. Путин окрестил ёмко: «шакалить у иностранных посольств». Имитация безудержного правдолюбия подкрепляется грантами, поддерживается манипуляторами уровня Джорджа Сороса, чьи интересы далеки от интересов

государства Российского. Когда мы слышим огульные обвинения в исторических грехах России, мы вспоминаем о том, что играем в одной команде с поколениями отцов и дедов — против гитлеровцев и бендеровцев, против маккартистов и лесных братьев. Жаль, что только под тяжким внешнеполитическим прессингом мы понимаем: чтобы страну и её историю уважали, следует самим уважать своё прошлое. И не призывать к кликушескому массовому покаянию.

А уж за историю XX века, по мнению Афанасьева, мы должны беспрестанно каяться. Из покаяния и самобичевания хотели сделать вид национальной забавы, некую государствообразующую мистерию, подобную мифу об Озирисе в Древнем Египте. В нашем учительстве, напротив, давно вызрела мечта если не о романтизированной, то об уважительной истории Отечества — чтобы можно было воспитывать самоуважение и патриотизм. Ведь учитель истории ежедневно сталкивается с реакцией учеников на материал, несущий идеологическую нагрузку, и имеет возможность анализировать метаморфозы общественного мнения на весьма выразительном подростковом уровне. И даже убеждённые либералы понимают, что необходима в этой миссии гражданская ответственность.

Книга А. Филиппова (которая, как мы надеемся, получит продолжение в виде новых учебных книг) определяет вехи нашей истории XX века без публицистических перекосов, которые всегда быстро устаревают. «Народное образование» не раз призывало к такому осмыслению исторического материала для учителей и школьников. После революционного десятилетия логика истории требует от нас уважительного отношения к российской государственности, требует, если угодно, охранительного, бережливого отношения к сложившейся реальности, которая не совершенна, но и не катастрофична.

Учебник лояльного патриотизма

В 1990-е годы патриотизм был привилегией красно-коричневой оппозиции. Путин, рассуждая об учебниках истории, фактически поставил вопрос о необходимости воспитания в школьниках лояльного патриотизма.

Не будем лукавить, учебники истории всегда находятся в политическом измерении. В начале 90-х годов стараниями таких историков, как Юрий Афанасьев у нас стало хорошим тоном клеймить отечественную историю XX века, да и более далёких, заповедных времён. Мишенями Афанасьева стали не только Ленин, Сталин или Брежнев, но и Александр Невский, Иван Калита... Надо ли пояснять, что в доперестроечное время Юрий Афанасьев был в большей степени комсомольским и партийным деятелем, чем исследователем истории. Когда служить Вашингтону и Брюсселю стало выгоднее, чем Старой площади и Лубянке, он — неискренний член КПСС — принялся проклинать искренних — «агрессивно-послушное большевство». На фоне учебников «афанасьевской школы» многомерно выглядели лекции В. Согина по новейшей истории, вышедшие в свет в середине 90-х — там была установка на объективность, выделялись факты, действительно важные для истории страны. Но подобные исключения были редкостью, в основном учебники однобоко пропагандировали точку зрения «агрессивно-глумливого меньшинства». Это были типично революционные учебники, в которых старый мир разрушали «до основания». Любопытно, что нередко А. Филиппову достаётся именно за объективность, за рационализм. За желание показать школьникам объективные процессы истории, а не сводить дело к карикатурам на вождей... Мариэтта Чудакова, прочитавшая книгу для учителя, утверждает: «Люди, говорящие о Сталине с рациональной стороны, аморальны». Означает ли это, что мы должны сводить трактовку истории к демонизации проштрафившихся правителей?

Двадцать лет у нас клеймили прошлое — с перехлестом, колотили чугунным топором пропаганды по патриотическим устоям, и было это неспроста. Выполнялся политический заказ: чтобы оправдать развал СССР, нужно было создать стране

репутацию беспросветной, преступной империи зла. Попытка провести «нюнбергский процесс» провалилась, «Суд над КПСС» (о нём наши пропагандисты удивительно быстро постарались забыть) позволил либералам овладеть партийной собственностью, но не признал партию преступной. А учебники говорили о преступном режиме во весь голос. Эта тактика принесла России немало проблем, в том числе и внешнеполитических. После развязного самобичевания мы лишились союзников, изуродовали международную репутацию России, имидж страны. Приходится ли удивляться, что учебники истории наших соседей и номинальных союзников по СНГ стали образцами самой буйной антироссийской пропаганды. О какой братской дружбе России и Украины можно говорить, если наши соседи героизируют всех врагов России из украинской истории и напроочь игнорируют образцы успешного сотрудничества, содружества народов. Об аргументации они не заботятся: афанасьевская школа. Они пытаются построить враждебную России украинскую государственность на основе мифа о «голодоморе» — как будто советская власть была для Украины иноземным («московским») игом, а другие народы СССР, начиная с русского, не делили с украинцами испытания голодом и войнами. Даже «жандармскую» операцию войск Варшавского договора в Чехословакии 1968 года представляют авторитарным решением Москвы. А уж в этом эпизоде нашей общей истории именно руководство УССР играло «первую скрипку». Из членов Политбюро ЦК больше других настаивал на силовом решении пражской проблемы не кто иной, как Пётр Ефимович Шелест — тогдашний первый секретарь Компартии Украины, первое лицо республики. Пока Москва занимала выжидательную позицию, Шелест проявлял инициативу: встречался с руководством Словакии, требовал от них письменную просьбу о введении войск на территорию ЧССР. Маневры П.Е. Шелеста, кроме прочего, были направлены на усиление влияния Украины в международных делах, он чувствовал себя политиком европейского уровня, решал судьбы государств... Этот политический сюжет — важная страница истории Украины.

Современная «оранжевая» политическая элита Киева стремится в НАТО. В составе Северо-Атлантического блока вряд ли Украине суждено играть столь самостоятельную роль, выстраивая сложный пазл отношений с Москвой, Братиславой, Прагой, Будапештом, Берлином... Между тем ни в вузовских, ни в школьных учебниках истории Украины не встретит этой знаменательной истории. Она не вписывается в политическую схему противостояния с Москвой поработённого советской властью и «москалями» украинского народа. Вот уже 17 лет Киев всячески отделяет себя от России и Советского Союза; недружественное отношение к России нигде не проявляется так чётко, как в школьных учебниках истории... На такой трактовке воспитывается поколение, не способное на лояльное отношение к России — к стране, где в силу долгосрочных экономических причин десятки тысяч украинцев будут трудиться и зарабатывать. Порочный круг, как же из него выйти? Вроде бы мы вправе требовать от российской дипломатии активных мер против неприятных тенденций в трактовке истории. Но... чтобы получить моральное право на подобные выступления, мы должны научиться уважать собственную историю. А мы давным-давно начали её оплёвывать, опережая даже самых недружественных соседей! И вот сегодня первая попытка молодых историков рассказать о судьбах России в XX веке без либеральных клише и соросовских штампов вызвала шумное негодование интеллигенции перестроечного помолла. За последние десять лет сопоставимую ненависть либеральной публики вызвали только два события — принятие «нового старого» гимна Александрова — Михалкова и суд над руководителями ЮКОСа. Особенно возмущает охранительный дух учебника. Увы, в интеллектуальных кругах охранительство не в почёте.

Автор быстро нашумевшей книги для учителя истории не считает собственную работу сенсационной. Создаётся впечатление, что он удивлён скандальным резонансом вокруг книги. Думаю, Александр Филиппов

лукавит: ему отлично известно, что либералы-западники по-бульдожьей держатся за каждую пядь идеологии, завоёванную в пылу перестройки. На их знамёнах по-прежнему написаны слова Валерии Новодворской и Сергея Ковалёва: «Любой ценой уничтожить тоталитарную Спарту!». Им необыкновенно дорог (а значит, выгоден) миф о России как о стране преступной, подлежащей суду наподобие Нюрнбергского и жёсткому внешнему управлению. Только компетентные иностранцы могут привести в порядок «тоталитарную Спарту», деловито распоряжаясь материальными ресурсами России... А любителям изящных исторических аналогий стоит напомнить, что история античности, которую преподают в пятом классе, учит, что хищные планы демократического Афинского морского союза рухнули, когда пришлось столкнуться с воинской доблестью спартанцев в Пелопоннесской войне и не менее тоталитарных македонцев в битве при Херонее. В последние годы старое понятие «либеральная жандармерия» стало в России актуальным. Либералы-западники, избалованные лаврами перестроечных времён, видят себя носителями «истины в последней инстанции» и демонстрируют более высокий градус фанатизма, чем их оппоненты. Оказывается, патентованные сторонники гражданских свобод наиболее нетерпимы к противоположному мнению! Если решение суда противоречит их представлениям о законности — они не доверяют такому суду. Если парламентские выборы не приносят желанного результата — отрицают законность таких выборов. Если общество отрицает их ценности — обвиняют общество в отсталости и рабских инстинктах. И всё — в экстазе, в радикальной публицистической лихорадке. В гуманитарном сообществе таких либералов немало, и книга А. Филиппова была обречена на бурную критику. По-моему, и сам автор это осознавал. В одном из интервью он так объяснил кредо учебника: «Считаю, России есть чем гордиться в своём историческом прошлом. Даже в самые тяжёлые, горькие страницы своей истории она продемонстрировала уникальные ресурсы самосохранения как суверенного государства. Возможно, некоторый контраст обусловлен тем, что до последнего времени российская история фактически являлась объектом пропагандистской атаки, в том числе и извне. Преследовались, по крайней мере, две цели. Первая: доказать, что Россия всем ходом своей истории заслужила место лишь на периферии мировой политики, в пуле

так называемых цивилизованных наций ей нет места. Вторая: Россия, как наследница тоталитарного режима, должна вечно каяться за все его реальные и мнимые преступления. В общем, привить российскому обществу комплексы неполноценности и исторической вины, за счёт чего решать вполне практические задачи. Примеры таких «решений» мы видим в ряде государств СНГ и Балтии».

Зарубежные отклики на проект нового учебника выдержаны в русле борьбы миров, жёсткой экономической и политической конкуренции стран, в которой никто и никому не даст послабления. «Владимир Путин реабилитирует Сталина», «Учебники подгоняются под путинское видение истории» — так пишут извечные критики России, готовые демократизировать нашу страну, лишив её независимости.

В заключение А. Филиппов дал материал для раздумий каждому равнодушному современному педагогу: «Может ли российское общество согласиться на положение *младшего партнёра* в отношениях с США или Евросоюзом и кем бы то ни было? Ответ на этот вопрос исходит из тех идей, которые в своё время разделяли У. Черчилль и Ш. де Голль: именно в кризисные годы государство не должно соглашаться с пессимистической оценкой своих возможностей! Напротив, полагал Черчилль: «В поражении — вызов». Почему России не взять эту мысль на вооружение?». Это действительно важнейший политический вопрос, игнорировать который не может ни один учитель, работающий с общественными науками.

Пройдёт время, схлынет спор, в котором стороны неминуемо наговорят лишнего. А школа получит не только книгу для учителя, но и массовый учебник, созданный не для оправдания великих потрясений, а для воспитания лояльных граждан великой державы, которые умеют относиться к истории Отечества аналитически, но без паники, презрения и цинизма. **НО**